

Леонид БОБРОВ

КАЛМЫЦКАЯ КОННИЦА В РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ 1654—1667 гг.: ВООРУЖЕНИЕ, ТАКТИКА, ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ*

Аннотация

УДК 94(4)«1654/67»; 355.48; 357.11; 903.22

В статье рассмотрены основные этапы участия калмыцкой конницы в Русско-Польской войне в 1654–1667 гг.: «Северокавказский» (1659- лето 1661 гг.), «Крымский» (осень 1661–1663 гг.), «Украинский» (1664–1667 гг.). Установлено, что калмыцкие отряды сыграли важную роль в борьбе с войсками Крымского ханства на территории нынешней Украины. Выявлены причины военно-тактического превосходства калмыков над войсками крымских татар и ногаев. На основе комплексного анализа вещественных и письменных источников изучены такие феномены калмыцкого военного искусства, как легкая копейная конница, массовая панцирная («куяшная») конница, а также связанные с ними тактические приемы ведения сражений.

Ключевые слова: Русско-Польская война, калмыки, вооружение, тактика.

Калмицька кіннота у Російсько-Польській війні 1653–1667 рр.: озброєння й тактика

УДК 94(4)«1654/67»; 355.48; 357.11; 903.22

Анотація

У статті розглянуті основні етапи участі калмицької кінноти у Російсько-Польській війні 1654–1667 рр.: «Північнокавказький» (1659 – літо 1661), «Кримський» (осінь 1661–1663 рр.), «Український» (1664–1667 рр.). Встановлено, що калмицькі загони відіграли важливу роль у боротьбі з військами Кримського ханства на теренах нинішньої України. Виявлені причини військово-тактичної переваги калмиків над військами кримських татар та ногаїв. На основі комплексного аналізу речових та письмових джерел досліджені такі феномени калмицького військового мистецтва, як легка копійчана кіннота, масова панцирна («куяшна») кіннота, а також пов'язані з ними тактичні прийоми ведення битви.

Ключові слова: Російсько-Польська війна, калмики, озброєння, тактика.

Kalmyk Cavalry at the Russian-Polish War of 1654–1667: Armament, Tactics, Military Strategy

UDC 94(4)«1654/67»; 355.48; 357.11; 903.22

Abstract

Dr. Leonid Bobrov considers the main stages of Kalmyk cavalry's participation in the Russo-Polish War of 1654–1667: “North Caucasian” (1659– summer 1661), “Crimean” (autumn 1661–1663), and “Ukrainian” (1664–1667). It has been established that the Kalmyk units played an important role in the battles with the Crimean Khanate on the territory of modern Ukraine. The author reveals the reasons of the Kalmyk units' combat superiority over the troops of Crimean Tatars and Nogais. Basing on the complex analysis of material and written sources, he examines such phenomena of the Kalmyk art of war as light lance cavalry, mass armor-clad cavalry, and corresponding tactical techniques.

Keywords: Russian-Polish War, Kalmyks, armament, tactics.

---

* Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Казацкое восстание под руководством Богдана Хмельницкого 1648–1654 гг. и последовавшая за ним Русско-Польская война 1654–1667 гг., оказали существенное влияние на историю многих народов Восточной Европы. По единодушному мнению современников событий, важную роль в боевых действиях, охвативших территорию нынешней Украины, Беларуси, Литвы, Польши, западной и юго-западной России, играли армии кочевых народов. И если отряды крымских татар и ногаев сражалась преимущественно на стороне казацких и польских войск, то калмыцкая конница стала важным компонентом многонациональной армии Московского государства.

К сожалению, многие отечественные исследователи, попав под обаяние масштабных сражений, развернувшихся по обоим берегам Днепра, часто игнорируют тот факт, что судьба войны решалась не только под стенами Смоленска, в болотах Конотопа, или на Кушликовых горах, но и в бескрайних степях Северного Причерноморья, на равнинах Кубани и у валов Перекопа. Если взглянуть на события Русско-Польской войны не с балконов королевского дворца в Варшаве, или колоколен Кремля, а с высоты волжских курганов и башен Ор Капы, то неожиданно выяснится, что события «Потопа» и «Руины» стали фоном для другой грандиозной войны, в которой кочевые народы оспаривали друг у друга господство над западной частью Великой степи. Без учета этой «Степной Илиады» мозаика Русско-Польской войны не может быть собрана воедино, так как логика действий ключевых игроков конфликта будет неизбежно ускользать от взгляда историка. Не стоит забывать, что многие стратегические решения польского короля, украинского гетмана, русского царя и османского султана напрямую зависели от того рискнет ли крымский хан оставить Перекоп и двинуть свои конные армии в Польшу, Украину, Венгрию, или же останется на полуострове «страшась калмыцкого приходу» [15, с. 27, 29, 76, 78, 91-98; 16, с. 267, 321-331]. Таким образом, изучение калмыцко-татарского противостояния, как составной части Русско-Польской войны является важным и перспективным направлением научных исследований.

Отдельные аспекты участия калмыков в боевых действиях на территории Речи Посполитой и Крымского ханства в середине XVII в. были проанализированы К. П. Шовуновым, А. А. Новосельским, А. Н. Басхаевым и др. [18, с. 116-118; 15, с. 91-98; 3]. Наиболее подробно этот вопрос был рассмотрен В. Т. Тепкеевым, который посвятил данной теме специальный раздел своей монографии [16, с. 318-341]. В то же время, заявленную проблематику сложно считать исчерпанной, так как многие эпизоды противоборства степных народов, в период Русско-Польской войны 1654–1667 гг., изучены еще в недостаточной степени. Значительный интерес вызывает также оружиеведческий и военно-тактический аспект противостояния тюркских и ойратских номадов, боевая практика которых развивалась в рамках различных военно-культурных традиций (Восточноевропейской и Центральноазиатской соответственно).

Целью настоящей статьи является выделение основных этапов участия калмыцкой конницы в Русско-Польской войне 1654–1667 гг., а так же анализ вооружения, тактики и военной стратегии калмыков в данном военном конфликте.

Впервые калмыки появилась на театре боевых действий еще в конце 1655 – начале 1656 гг., чем не на шутку встревожили власти Крыма не без основания

опасавшихся воинственных пришельцев с Востока*. Однако обострение российско-калмыцких отношений подвигло калмыцких князей (тайшей) увести свои отряды за Волгу [16, с. 241, 258–260, 268]. Тяжелые поражения московских войск в 1659–1660 гг. вынудили царское правительство активизировать переговорный процесс с ойратской знатью. Начиная с 1659 г. калмыцкая конница все активнее вовлекается в боевые действия сначала против ногаев и татар, а затем и против войск Речи Посполитой.

С некоторой долей условности можно выделить три основных этапа участия калмыков в Русско-Польской войне: «Северокавказский» (1659 – лето 1661 гг.), «Крымский» (осень 1661–1663 гг.) и «Украинский» (1664–1667 гг.).

На первом этапе, главным объектом военной активности калмыков стали улусы Большого и Малого Ногая. В ходе вторжений на Северный Кавказ (самое масштабное состоялось осенью 1660 г.) они нанесли ряд поражений ногайским войскам и подвергли разгрому ногайские улусы, кочевавшие под Азовом, Темрюком, Тарками и Эндиреем. Дербетский Солом-Церен в письме царю Алексею Михайловичу сообщал, что было совершено 13 военных походов, убито семь «начальных мурз», а четырех мурз «взяли в полон» [16, с. 294]. Кроме того, было уничтожено или попало в плен несколько тысяч ногаев, захвачены богатые трофеи. Крымский хан просил калмыков о мире, но это предложение было отвергнуто. Главным итогом военных походов калмыков 1659–1661 гг. стал превентивный разгром восточных улусов Большого и Малого Ногая – потенциальных союзников Крыма в борьбе с Московским государством. Разрушительные ойратские вторжения не позволили тюркским кочевникам региона оказать масштабную помощь крымскому хану в борьбе с российскими войсками в критический момент войны. Победы калмыков на Северном Кавказе подсластили горькую Конотопскую «пилюлю» и обеспечили безопасность южного фланга и тыла московских армий, которые вели тяже-

---

* Родиной калмыков (ойратов) были степи Западной Монголии. Под влиянием различных военно-политических и социально-экономических факторов, часть ойратов, в начале XVII в., снялась с традиционных мест обитания и двинулась на запад. В первой трети XVII в. ойратские войска нанесли ряд сокрушительных поражений племенам ногаев, форсировали Эмбу, затем Яик и, наконец, вышли к Волге. В это же время другие группы ойратов повели наступление в Юго-Восточном Казахстане и в Центральном Тибете. К середине XVII в. ареал военной активности ойратов охватывал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Монголии на востоке, от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. Не удивительно, что исторический период, включающий XVII – первую половину XVIII вв. часто определяется историками, как «Эпоха малого монгольского (ойратского) нашествия». К середине XVII в. сложились четыре основных военно-политических группировки ойратов: «Калмыцкая» (в Северном Прикаспии), «Чакарская» (на юге Западной Сибири), «Джунгарская» (в Западной Монголии и Юго-Восточном Казахстане) и «Кукунорская» (в Тибете). Власти Крыма были хорошо осведомлены об угрозе ойратской экспансии. Устрашающие сведения о пришельцах с востока регулярно приносили ногаи, которые переправлялись через Волгу и оседали в причерноморских степях. Кроме того, калмыцкие войска еще до начала Русско-Польской войны дважды ходили походами на Крым (1648 и 1651 гг.), причем во второй раз даже прорвались за Перекоп.

лые бои против татарских, казацких и польских войск в Украине.

Начиная с осени 1661 г. основной целью калмыцких вторжений становится непосредственно Крым. Для атаки на татарские улусы в причерноморских степях тайши обещали царскому правительству выставить 10-тысячную конную армию. Ойраты учли опыт походов на Крым 1648 и 1651 гг. и предпочли использовать стратегию малой войны, в ходе которой против крымских улусов действовали небольшие мобильные отряды, совершавшие нападения на татарские и ногайские кочевья, а затем стремительно отступавшие вглубь степи. Если татары решались преследовать калмыков и покидали свои укрепленные таборы, то ойраты охотно принимали бой. Подобный подход оказался исключительно эффективен, так как благодаря своему вооружению и тактике калмыки выходили победителями в подавляющем большинстве кавалерийских степных сражений [5]. В результате, за полтора года боевых действий Крымскому ханству был нанесен значительный военный и экономический ущерб*. Неспособность обеспечить защиту татарских и ногайских улусов от калмыцких набегов, а также угроза ойратского вторжения на полуостров привела к важным изменениям в военной стратегии крымского командования. Начиная с весны 1663 г. татарские полководцы были вынуждены резко сократить военную активность в Украине и начать стягивать войска к Перекопу. Ставка была сделана на стратегию активной обороны. Так, строительство новых укреплений в районе перешейка должно было воспрепятствовать калмыцкому вторжению на полуостров, в то время, как конная крымская армия оснащенная, по калмыцкому образцу, копьями и пиками вышла в степь перед Перекопом, чтобы дать ойратам генеральное сражение. Таким образом, за полтора года боев (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) ойраты сумели не только нанести значительный урон Крымскому ханству, но и отвлекли на себя значительную массу крымско-татарских войск, что существенным образом облегчило положение российской армии в Украине в канун грядущей весенне-летней компании [5].

Весной 1663 г. степи под Перекопом стали арендой масштабных сражений калмыцких и татарских армий. Первый большой бой произошел под Перекопом весной 1663 г.: «… и на том де бою крымских многих людей они [калмыки] побили, и ясыря и лошадей и скота поймали» [1, с. 172]. Не успели крымцы оправиться от поражения, как они были вторично атакованы под Перекопом «многими калмыцкими людьми» второго эшелона ойратской армии. В ходе второго «большого боя» под Перекопом крымская конница была вновь опрокинута. Ойраты преследовали и убивали крымцев вплоть до земляного вала отделявшего полуостров от большой сте-

---

* В частности, было уничтожено до 10 тыс. крымцев (в том числе известные крымские военачальники Сары-мирза, Казы-мирза, Казымбек-ага и др.), захвачены десятки тысяч лошадей, многочисленные коровьи стада и овечьи отары. Польские пленные передавали депрессивные настроения, охватившие татар и ногаев после калмыцких вторжений: «... от калмыцкого разоренья их [крымцев] стало мало, лутче б де им смерть, а не явное разорение, николи де ниотково такого разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца» [16, с. 320, 321]. Помимо прочей добычи трофеями калмыков стали не менее пяти знамен и бунчуков крымских татар, а также пищали и другое оружие [5].

пи: «И с крымскими де людьми был бой большой, и калмыки де крымских людей побили ж, топтали их до самой Перекопи» [1, с. 172].

Пока основные силы калмыков были заняты в боях под Крымом, тысячный калмыцкий корпус из первого эшелона ойратских войск присоединился к армии запорожских казаков. Союзники скрытно подошли к ногайско-татарскому табору, расположившемуся в урочище Цыбульник, под г. Крылов. По оценке пленных татар гарнизон табора насчитывал более 10 тыс. чел. [1, с. 172]. Под покровом ночи калмыки и запорожцы ворвались в табор, после чего бой быстро превратился в бойню. Все ногаи и татары (кроме тех, кто «в болотах отопился») были перебиты, а русские и украинские пленные (4 тыс. чел.) освобождены [1, с. 171, 172]. Бой под Цыбульником стал первым из череды больших сражений, в которых калмыки и запорожцы действовали сообща. Опыт оказался настолько удачным, что с этого времени и вплоть до последних дней войны сводные калмыцко-украинские отряды стали непременными участниками боевых действий.

Летом 1663 г. война в Украине и в Причерноморских степях продолжилась, однако теперь крымцы ушли в глухую оборону, стараясь избегать полевых сражений с калмыками. Уступая нажиму султана и просьбам азовского паши, Мухаммед-Гирей был вынужден отправить воинские отряды в Венгрию и к Азову. В условиях сокращения татарских войск на полуострове, крымцы предпочитали отсидеться под защитой валов и новых каменных стен Перекопа. В свою очередь, калмыки и запорожцы устроили охоту за татарскими и ногайскими отрядами, не сумевшими или не захотевшими отступить к перешейку. Ойраты провели набег под Чигирин, вторично разгромили ногаев под Крыловом и «кош татарский взяли». Рискнувший преследовать калмыков татарский отряд был разбит на р. Омельничек [1, с. 169]. В июле 1663 г. отряд из 400 калмык скрытно подошел к Перекопу и атаковал личный лагерь Мухаммеда-Гирея, причем сам хан чуть не попал в плен [15, с. 97]. В течение лета–зимы 1663 г. калмыки еще четыре раза (самостоятельно и вместе с запорожцами) атаковали полуостров, жгли и грабили татарские улусы. Во время декабрьского набега преследовать находников, во главе элитного тысячного отряда, попытался сам Карач-бей (неизменный участник набегов на Польшу и Россию начиная с 40-х гг. XVII в., один из главных творцов Конотопской победы 1659 г.). Однако в сражении на р. Колончак он был контратакован калмыками и казаками (180 чел.), которые «устроя коньми кош» опрокинули татар, а затем «побили и рубили Татар до Перекопи». В схватке погиб сам Карач-бей, его брат, племянник, «писарь Перекопский» и «казнодар», «…а живых…Калмыки брать не дали, в руках кололи…» [1, с. 148, 149].

В ходе «Крымского этапа» участия калмыков в Русско-Польской войне, ойратские войска сумели отвлечь на себя внимание ханских армий, что привело к резкому снижению военной активности татар на других направлениях (в том числе в Украине). Кроме того, в ходе серии сражений крымско-татарские войска понесли существенные потери в живой силе, а экономике ханства был нанесен значительный ущерб.

«Украинский этап» участия калмыков в Русско-Польской войне (1664–1667 гг.) характеризуется расширением ареала военной активности ойратов. Про-

должая действовать в степях Северного Причерноморья, тайши, в тоже время посылают свои отряды на территорию Левобережной и Правобережной Украины. В начале 1664 г. общая численность калмыцкой армии в Украине достигает 20 тыс. всадников*. Ойратские войска отрезают Крым от Азова и перехватывают выходящие в степь татарские и ногайские отряды и посольства [1, с. 202, 209]. Опасаясь ойратского вторжения на полуостров, крымские войска стягиваются к Перекопу. В июне 1664 г. украинско-калмыцкий корпус вторгается на Правобережную Украину и последовательно громит три татарских отряда (под Корсунью, за Уманью и в Саранчинском лесу) [1, с. 203, 210; 16, с. 326, 327]**. Одновременно калмыцкие отряды атакуют Перекоп и Азов. В одной из стычек под Азовом калмыками убит азовский Мустафа-паша (зять османского султана) и Бахмех-ага. После чего: «…неверные-калмыки перешли близ Азова реки Дон, Миюс и Дрынь. Разгромив племена ногайцев Адиля, Урмамета и Шейдяка, которые находились за пределами Крыма, они захватили безграничное и ни с чем несравнимое по обилию количество скота» [19, с. 195]. Военные успехи калмыков были с восторгом восприняты в Москве. В благодарность за «службу» тайши получают разнообразное «жалованье», в том числе соболя, дорогие шубы, английские сукна, жеребцов «немецкой породы», драгоценную конскую упряжь, «золоченые» немецкие пистолеты и карабины, пищали с ложем из «красного дерева», булатные сабли, булавы, кольчуги, а также знамя с двуглавым орлом и Георгием Победоносцем. Несколько позднее тайше Мончаку лично от царя Алексея Михайловича были вручены латы и шишак европейского образца [16, с. 330, 339].

Во второй половине 1664 г. калмыцкие отряды действуют на левом берегу Днепра, под Крымом и на Северном Кавказе. Осенью того же года в состав армии гетмана И. Брюховецкого вливается элитный калмыцкий корпус из 2 тыс. всадников «самых лутчих Калмыцких людей головщиков» Ишкепа и Батура [1, с. 220-223].

В битве под Белой Церковью (21.05. 1665 г.) – последнем большом полевом сражении Русско-Польской войны, массированная атака калмыцкой конницы (около 7 тыс. чел.), поддержанная казаками и русскими ратниками приносит победу московско-украинской армии. В бою было убито около тысячи воинов Речи Посполитой. Восемьдесят человек попали в плен, но затем были «переколоты» калмыками. Интересно, что в ходе сражения ойраты заставили отступить элитные соединения польской кавалерии (гусары, рейтары, «пансырные») и «немецкую» пехоту, а также захватили большое количество трофеев, в число которых попали гусарские копья и доспехи. Гетман И. Брюховецкий с воодушевлением сообщал в Москву: «…на воеводу Яблоновского, с войском Лядским от Белой Церкви в десяти верстах табором стоящего, конных посылал…те же вышеимянованные вашего царского пресветлого величества войска Ляхов, в шиху стоячих, с поля согнавши, так знат-

* Много это или мало? Для сравнения: лояльные России ногаи в XVI–XVII вв. никогда не выставляли в московскую армию более 2 тыс. чел., а мобилизация башкир в 1812 г. дала российским войскам 14 840 всадников [17, с. 202; 9, с. 65].

** В сражении в Саранчинском лесу казакам и калмыкам противостоял сводный татарско-польский отряд [1, с. 210].

но поразили, что едва в табором к Белой Церкви, таборище зажегши, утекли; там же на бою многие гусары, рейтары, немцы и рот казацких Ляхи пропали и побеждены суть; *а войска вашего царского пресветлого величества, имянно Калмыцкие, в конех, в платье, в пансырех, в збруях и в копьях гусарских и в иных служилых рухледях воинских Лядских добывшися, щастливо назад возвратились* (здесь и далее курсив наш – ***Л. Б.***)» [1, с. 274]. В другом документе, повествующем о сражении под Белой Церковью, говорилось: «…войско Калмыцкое и ратные люди и войско казацкое вершное посылалось на Яблоновского воеводу и на Ляхов, при нем будучих, под Белую Церковь, идеже мая 21 день…над Ляхами даровал Бог знатную победу, иже гусарского, рейтарского, панцерного, казацкого, Немецкого люду не мало на вступном бои пропало, но и таборов удержать не мог, но зажог таборища насилу к Белой Церкви ушол, коней, панцырев, збруи и копей гусарских и платья Калмыки добыли гораздо, а языков поиманных, с запалу воинского всех Калмыки кололи» [1, с. 281]. Наконец, участники сражения во главе с Прилуцким полковником Лазарем Горленко рассказали в Москве, что: «…гетман Иван Брюховецкой посылал наказного своего гетмана Яцка Лизагуба, Каневского полковника, великого государя с ратными людьми и с Калмыки и с Черкасы на Польских людей; и под Житными де горами, от Белой Церкви 5 миль, Польских людей побили, а взяли в языцах 80 человек, и тех де языков Калмыки, прищодь с бою, в куренях всех покололи, а достальные Полские люди отошли к Белой Церкви отводом, зажегши табор свой; а побито де Полских людей с 1000 человек, езде и пехоты де много побито, а за сколко человек, того не ведают» [1, с. 283].

В то время, как одна калмыцкая армия (7 тыс. чел.) сражалась с поляками вместе с гетманом И. Брюховецким, другая (около 10 тыс. чел.) вместе с запорожцами двинулась на Крым. Под Перекопом калмыки в очередной раз столкнулись с татарско-ногайскими войсками и вновь одержали блестящую победу: «…те Калмыки с Запорожцы были под Перекопом, и Крымских людей побили, и полон многой отбили, и добычю себе многую учинили…А про Крымских де воинских людей слуху у них никакого нет; а вышло де было их тысяч с 10, и тех Запорожцы с Калмыки под Перекопом розбили» [1, с. 283]. Весьма эффективно калмыки и казаки сражались в 1665 г. и под Азовом [16, с. 339]. В 1666 г. в Украине действовал 5-тысячный калмыцкий корпус [16, с. 340].

Завершая обзор участия калмыков в Русско-Польской войне 1654–1667 гг. следует отметить, что их роль в боевых действиях до сих пор не оценена историками по достоинству. Калмыцкая конница стала главным стратегическим «оружием» Москвы в борьбе с крымскими и ногайскими войсками, которые, благодаря своей мобильности, были практически неуязвимы для армий организованных и вооруженных по европейскому образцу. Появление калмыцких армий на театре боевых действий привело к резкому снижению активности крымско-татарских войск в Украине, что оказало существенное влияние на ход всей войны. На заключительном этапе боевых действий калмыки составляли значительную (а в отдельных операциях большую) часть конницы Московского государства.

Нам удалось собрать сведения о 49 стычках и боях калмыков с крымскими татарами и ногаями датированных периодом Русско-Польской войны

1654–1667 гг. В 45 из них (в том числе во всех крупных сражениях) верх одержали калмыки.

В чем же причина столь тотального военного превосходства? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо проанализировать комплекс вооружения и тактику боя крымских татар и ойратов первой половины XVII в.

Военное дело крымских татар и ойратов развивалось из единого «корня» – Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции XIII в. Однако особенности региональной военно-политической и социально-экономической обстановки привели к тому, что оружейный комплекс и тактика номадов Восточной Европы и Центральной Азии в период позднего Средневековья и раннего Нового времени эволюционировали в разных направлениях.

Разрушительные вторжения Тимура, ожесточенные междоусобные войны, разгром ремесленных центров и разрыв традиционных торговых связей привели к ухудшению снабжения татарских войск качественным защитным и наступательным вооружением. Венецианский посланник А. Контарини интересовавшийся военным делом татар Большой Орды 70-х гг. XV в. отмечал: «В целой орде не наберется более 2000 человек, вооруженных мечами и луками; остальные совершенно безоружны» [12, с. 98]. Со схожими проблемами столкнулись ногаи и, в меньшей степени, крымские татары. Экономические трудности совпали по времени с существенным изменением геополитической ситуации в регионе. Начиная с XVI в. главным противником крымских татар становятся армии оседло-земледельческих народов, хорошо оснащенные доспехами, огнестрельным и клинковым оружием. Вступать в ближний бой с таким противником было крайне опасно. Это вынуждало крымско-татарских полководцев избегать рукопашных схваток и вести динамичный кавалерийский бой на большой и средней дистанции с акцентом на массированное применение сложносоставных луков. Именно на такой способ ведения сражения были ориентированны все основные тактические приемы крымских татар: «хоровод», «тулгама», притворное отступление и др. В случае контратаки противника, татары уходили из под удара, используя преимущество в скорости, которое давали им легкие степные кони. Таким образом, базовыми факторами татарской военной практики второй половины XV–XVII вв. стали мобильность и массированный лучной бой. В этих условиях массовой панцирной коннице, аналогичной тяжеловооруженным «кошунам» времен Тохтамыша, в военном искусстве татар XVI–XVII вв. просто не осталось места. Защитное вооружение превратилось в прерогативу знати, наиболее богатых ополченцев и воинов элитных ударных подразделений. Соответственно резко снизилось значение длиннодревкового оружия и конного копейного боя. Символом крымской армии в XVI в. окончательно становится легкий конный лучник. В рукопашную схватку такие бездоспешные всадники вступали крайне неохотно и лишь при значительном численном превосходстве. При этом, главным оружием ближнего боя были не ударные копья, а сабли, а также дубины, палицы, кистени и т.д.

Сравнивая оружейный комплекс и кавалерийскую тактику крымских татар XVI–XVII вв. и золотоордынцев XIV–начала XV вв. некоторые авторы спешат заявить о «деградации» военного дела крымцев, по сравнению с их предшественниками. На наш взгляд, более пра-

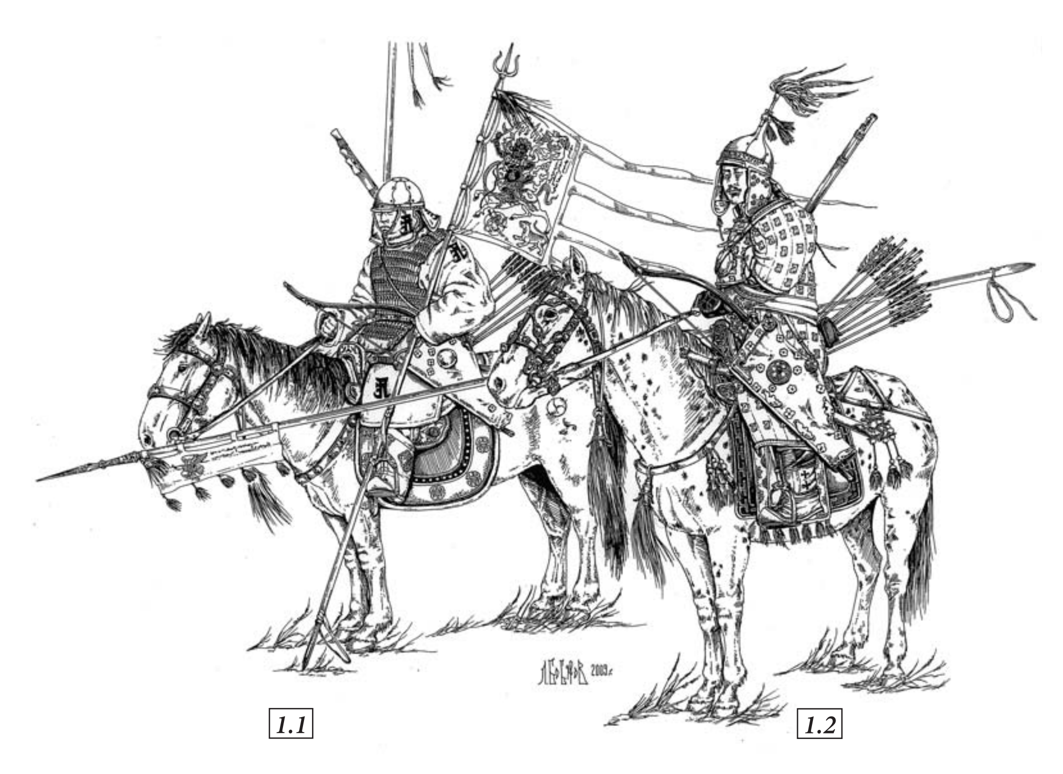

Рис. 1. *Ойратские воины XVII в.: «тогчин» (1.1) и зайсан (1.2). Реконструкция и рисунок Боброва Л. А. по материалам музейных и частных собраний России, Казахстана, Китая, США, изобразительным и письменным источникам.*

вильно говорить о мимикрии военного искусства тюркских номадов Восточной Европы к меняющимся условиям позднего Средневековья и раннего Нового времени. Характерно в данной связи, что приспособление к новым реалиям оказалось весьма успешным. Об этом свидетельствуют многочисленные победы крымско-татарской конницы над московскими, польскими, литовскими и украинскими войсками в XVI–XVII вв.* .

Другим важным трендом развития военного дела крымских татар, стало распространение огнестрельного оружия. Уже в конце XV – начале XVI вв. в армии Крымского ханства появились отряды пеших ружейных стрелков, действующих под прикрытием вагенбурга и легких полевых пушек. По сравнению с армиями оседлых европейских народов огневая мощь крымцев была невелика, но ее вполне хватало для борьбы с ногайской конницей, уровень оснащенности которой защитным вооружением, клинковым и длиннодревковым оружием был еще ниже, чем у крымских татар.

Совершенно в ином направлении эволюционировало военное искусство монголоязычных кочевников Централь-

---

* Следует также отметить, что военное дело крымских татар весьма точно соответствовало военно-политической стратегии Крымского ханства, ориентированной не на присоединение и удержание, а на ограбление соседних территорий.

ной Азии. После крушения Юаньской империи монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (сложносоставные луки «монгольского типа»), одинаковый конский парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период нередко представляли собой столкновение гигантских «хороводов» конных лучников, часто расстреливающих друг друга с минимальной дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла разорвать «хоровод» и смешать воинские порядки противника. Наиболее эффективно данная цель достигалась в ходе стремительной копейной атаки, поэтому монгольские и ойратские латники, сохранили копья, как массовый вид вооружения. Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага – изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массированной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьями не только панцирников, но и легковооруженных воинов и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли монгольские и ойратские полководцы, нарушили неписанный закон эпохи раннего и развитого Средневековья и начали массово снабжать копьями и пиками своих легких лучников*. В результате создались условия для появления новой разновидности конницы составленной из легковооруженных копейщиков [4, с. 245; 7, с. 538, 567].

Первые успехи легких копейщиков вызвали волну энтузиазма среди центральноазиатских военачальников, которые стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате, в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копья**. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам, с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьем или пикой [7, с. 295, 577, 578]. Самые бедные кочевники вооружались копьями с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками, конец которых был заострен и обожжен на огне***.

Популярность конного копейного боя в военном искусстве ойратов была подмечена практически всеми их ближними и дальними соседями: казахами, узбеками, киргизами, русскими, украинцами, поляками, турками, маньчжурами, китайцами [7, с. 294–297, 595; 10, с. 231; 11, с. 429; 13, с. 173, 174; 16,

* В раннем и развитом Средневековье длиннодревковое оружие применялось преимущественно конными панцирниками, в то время, как легковооруженные номады использовали копья лишь эпизодически.

** Так, например, в 1647 г. татары, наблюдавшие колонну ойратской конницы, с удивлением отмечали: «видели де они в степи ис подполья западши и смотря калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 копья, а у иных де и по 3…» [14, с. 608].

*** Э.Челеби живописуя вооружение волжских калмык 60-х гг. XVII в. отмечал: «…наконечники копий – из рогов дикого буйвола, или быка. Тем не менее копья пронзают кремень» [19, с. 171]. Цельнодеревянные пики джунгарских воинов упомянуты российскими авторами [7, с. 296].

с. 328; 19, с. 171]. Так, например, османский путешественник Э.Челеби побывавший у калмыков в конце 1666 – начале 1667 гг. с удивлением отмечал: «Все они носят луки, стрелы и копья…Сабли же встречаются редко. Но непременно требуется, чтобы в руках были копья. В самом крайнем случае вооружение состоит из [одной только] пики» [19, с. 170, 171]. Украинский автор «Летописи самовидца» подчеркивал искусство ойратского боя на пиках: «Тилко найбольше до потреби копій заживают кожен, бо справне уміют вбити копіем» [16, с. 328]. Русские авторы XVII в., описывая столкновения с калмыками особо отмечали, что те «кололи копьями» [15, с. 107]. Длиннодревковое оружие настолько прочно ассоциировалось с ойратами, что слово «копье» иногда употреблялось в качестве синонима слова «калмыцкий воин»: «Не обращаясь к чьей-либо помощи, всего лишь с семьюдесятью копьями Мончак-шах из [племени] калмыков напал на Азов, и азовский везир Мустафа-паша был убит копьем, [направленным] руками калмыков» [19, с. 195]. О широком распространении длиннодревкового оружия среди воинов Западной Монголии второй половины XVI – начала XVII вв. свидетельствуют и собственно ойратские материалы. Так, например, в знаменитом историческом сказании «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов» (традиционно датируется 1587 г.) ойратские воины армий Сайн-Серденге (2 тыс. всадников) и хойтского Есельбеина-Сайн-Ка (4 тыс. всадников) поголовно вооружены копьями [7, с. 295]. Ойратский посол Мурзея характеризуя вооружение своих соплеменников в 1632 г. отмечал, что: «бой у них копейной, и лучной, и огненой бой турки…» [13, с. 173, 174]. Согласно сообщениям современников именно ударами копий и пик были поражены военачальники вражеских армий, рискнувших вступить с ойратами в ближний бой. Среди наиболее известных жертв ойратских копейщиков можно упомянуть хотогойского Шолой Убаши-хунтайджи, казахского хана Джангира, османского Мустафу-пашу, крымского военначальника Казы-мирзу и др. [7, с. 295; 16, с. 319, 329; 19, с. 195].

Как показали военные конфликты XVII в. решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов, отряд снабженный луками и копьями имел очевидные преимущества перед отрядом вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости, воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук.

Превращение копий и пик из оружия элитарных панцирных подразделений в массовый вид вооружения оказало существенное влияние на тактику ведения боя ойратских и монгольских армий. Степные военначальники, на протяжении многих столетий старавшиеся избегать ближнего боя, в XVII в. начинают сами провоцировать и навязывать противнику рукопашную схватку, которая позволяла максимально эффективно задействовать потенциал многочисленных конных копейщиков.

Испытав на себе мощь копейных ойратских атак, многие степные народы поспешили последовать примеру сво-

их монголоязычных соседей. Не стали исключением и крымские татары. Уже после первых схваток с калмыками, в декабре 1661 г. крымский хан Мухаммед-Гирей заказал горским черкесам изготовить 4 500 копий по представленному им образцу, причем указывалась и назначение данного заказа: «а биться им с копьи против калмыков. А перекопский де Мустафа-бей копий сделал немало» [15, с. 95]*. Однако предпринятые меры не дали ожидаемого результата. И на это было две веские причины. Во-первых, овладение искусством копейного боя требовало длительного времени, которого у татар не было. А во-вторых против только что сформированных отрядов легких татарских копейщиков у калмыцких тайшей имелся беспроигрышный козырь – массовая латная (или как говорили современники «куяшная») конница.

На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII вв. ойратские и монгольские правители последовательно наращивали число панцирников в своих войсках. Для этой цели создавались специальные «доспешные» производства, производились массовые закупки и изъятия защитного вооружения, металлического сырья и полуфабрикатов у подвластного населения Южной Сибири, а в 1640 г. повинность по изготовлению панцирей была возложена на широкие слои ойратских и монгольских кочевников [7, с. 339–356]. В результате данных мер в войсках центральноазиатских номадов образовалась многочисленная группа панцирной конницы. Такие «куяшники» распределялись среди легковооруженных подразделений (повышая их устойчивость в ближнем и дистанционном бою), или сводились в специальные ударные отряды, насчитывавшие от нескольких сотен до нескольких тысяч воинов [7, с. 360–361].

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет реконструировать основные структуры бронирования и особенности покроя ойратских корпусных панцирей, конструкцию шлемов и дополнительных защитных деталей. Основной разновидностью металлической защиты корпуса был тяжелый пластинчато-нашивной панцирь «хуяг» или «лубчи» (аналог европейских «бригантин» и русских «куяков»), скроенный в виде кирасы, или распашного халата с осевым разрезом (рис. 1.2). Пластины панцирей знати снабжались специальными бортиками и ребрами, которые препятствовали деформации пластины при ударе [7, с. 380-385]. Такой доспех служил надежной защитой от стрел и сабель противника, что особо подчеркивали современники: «а в куяках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля [их] не имет [т.е. не пробивает]» [13, с. 54, 55]**. Самой массовой разновидностью корпусного защитного вооружения ойратов был стеганый панцирь «олбок» (рис. 1.1) или «дэгэлэй» [7, с. 410–416]. Некоторые воины носили кольчуги, кольчато-пластинчатые бехтерцы и ламеллярные доспехи (рис. 1.1). Головы рядовых латников прикрывали низкие клепаные сфероконические или полусферические шлемы с козырь-

* В. Т. Тепкеев совершенно справедливо предположил, что присланный ханом к черкесским оружейникам образец представлял собой трофейную калмыцкую пику [16, с. 321].

** Данный фактор имел особое значение в столкновениях с татарской конницей, для которой саадаки и сабли были основными видами вооружения.

ком и трехчастной бармицей (рис. 1.1). Знать носила высокие сфероцилиндрические шлемы, напоминавшие кувшин с длинным узким горлышком (рис. 1.2). Широко применялись наручи из железа и твердой кожи [7, с. 427-445, 483-494]. Наличие многочисленных отрядов конных панцирников выгодно отличало армии ойратов от войск крымских татар и ногаев, у которых доспехом были снабжены лишь наиболее знатные и богатые воины.

Если в основе тактических приемов тюркских кочевников Восточной Европы лежал дистанционный бой с применением лука и стрел, то ойраты практиковали тактику «трех напусков», когда после нескольких лучных залпов на противника обрушивалась лавина конницы, воины которой наносили удар пиками, а затем, добивали врага палашами и саблями. Калмыцкая конница атаковала противника в рассыпном строю («нохой хэрэл»), клином («хошуун») или лавой («нуман жагсаал»). Излюбленным построением ойратов был «Лук-ключ» – центр армии оттянут назад, фланги выдвинуты в сторону противника. В ходе сражения один или оба вытянутых вперед крыла наносили мощный удар по флангам противника и заходили ему в тыл. Альтернативой этого построения был «бычий рог», предполагавший нанесения мощных (часто парных) ударов разрывавших вражеские боевые порядки [7, с. 536, 537].

Центральноазиатская «копийная и куяшная» атака первой половины XVII в. произвела сильное впечатление на современников. Русские, европейские, украинские, среднеазиатские, маньчжурские авторы оставили подробные и, при этом, весьма схожие описания вооружения и тактики ойратов и монголов. Приведем лишь некоторые из них.

Российские посланцы к ойратам Т. Петров и И. Куницын (1616 г.): «А бой де у колматцких людей лучной и копейной, и сабельной…А на бой ездят в куяках железных да в шишаках, а в куяках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля [их] не имет. А напуска де у них на боех живет по 3 ж: первый напуск с луки, другой с копьи, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей не сломят, и они отходят прочь» [13, с. 54, 55].

Монгольские послы о вооружении и тактике хотогойских монголов державы Алтын-ханов* (1635 г.): «…А бой у мугальских алтыновых людей луки, копья, сабли, а вогненного бою нет. А ездят на бой против недругов своих в збруях, в куяках, и в шеломах, и в наручах и в наколенках, а у иных де у лучших людей и лошади бывают на боех в железных доспесях и приправах» [7, с. 558].

Ю. Крижанич, хорватский священник и военный теоретик (1663 г.): «Что касается военного дела, то калмыки выходят на бой прекрасно вооруженные, т.е. в шлемах, с копьями и в кольчугах…Калмыки держатся гусарского строя: носят копья, лук и саблю и латы и закрывают железом локти и бедра или носят кольчуги» [7, с. 358; 11, с. 429].

Автор «Летописи самовидца» (вторая половина XVII в.): «Вправді, люд военній, с копием всідает на коня, а нікоторіе и сагайдаки и стріли великіе с площиками широкими. Тілко найбольше до потреби копій заживают кожен, бо справне уміют вбити копіем, в нікоторих и панціри, а инніе и наго идут до потреби» [16, с. 328].

---

* В первой половине XVII в. хотогойские монголы были ближайшими соседями и наиболее опасными противниками ойратов в Центральной Азии.

С. У. Ремезов о калмыках (1697-1698 гг.): «Обыкновенное им военное оружие было лук, стрелы, копья и сабли, по большей части военное у них платье: пансыри и доспехи, также шишаки и поручни В сражении с первого напуску весьма жестоки, а ежели так сперва не удасся одержать победу, тогда уж будут весьма уступчивы и к сражению не ревнительны...» [10, с. 231].

Вооружение и тактика ойратов, их стремительные атаки с акцентом на ближний бой стали полной неожиданностью для ногаев и крымских татар. Столкнувшись на полях сражений с калмыцким «копийным и куяшным напуском», ногаи испытали настоящий шок, который не укрылся от современников: «…нагаиским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и против них не стаивали они, нигде и биться с ними не умеют» [4, с. 246]. Массированная атака ойратской копейной конницы (панцирной и легкой) буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» лучники не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. Лучная стрельба по преследователям из положения влево-назад, столь эффективная против московской, литовской и польской кавалерии, в боях с ойратами не давала нужного эффекта, так как калмыки владели саадаком не хуже своих тюркских противников. Отточенные в бесконечных войнах с оседлыми народами тактические схемы ногаев и крымских татар оказались бесполезны в схватках с копьеносной калмыцкой конницей. Ойратский «копийный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгама» [4, с. 245-247, 254, 255]. Военное превосходство ойратов в кавалерийских сражениях был вынужден признать даже османский путешественник Э.Челеби, которого сложно заподозрить в симпатиях к врагам мусульманских народов. Он, в частности, с горечью констатировал, что: «Калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков…» [19, с. 246].

Охарактеризовав вооружение и тактику калмыцкой конницы необходимо, хотя бы кратко, остановиться на калмыцкой военной стратегии. Последняя определялась текущими военно-политическими задачами и особенностями боевой обстановки. На первом («Северокавказском») этапе участия калмыков в Русско-Польской войне ставка была сделана на стратегию сокрушения. Прощупав оборону ногайских орд серией набегов в 1659–1660 гг., тайши нанесли страшный по силе удар осенью 1660 г., после чего даже простой демонстрации военной силы хватило для того, чтобы вынудить ногаев Казыевского улуса и их сородичей, проживавших в Кабарде, платить калмыкам ясак [16, с. 301, 302, 322]. На втором («Крымском») этапе войны тайши использовали прием, известный у монголов XIII в. под названием «Воронья стая». Татарские улусы были атакованы небольшими мобильными отрядами, каждый из которых, нанеся удар, затем быстро отходил в степь. Если татары оставляли укрепления и начинали преследование, то калмыцкие отряды собирались в единый тактический «кулак» и контратаковали противника [5]. Наконец, на третьем

(«Украинском») этапе войны действия калмыцких армий были синхронизированы с казацкими и российскими войсками, а многочисленные калмыцкие отряды входили в состав гетманских и московских армий. В целом, военная стратегия калмыков носила ярко выраженный наступательный характер. Ее реализацию следует признать весьма успешной. Главной проблемой являлась «сезонность» участия калмыцких войск в боевых действиях, когда по прошествию определенного времени калмыцкий корпус снимался с фронта и уходил в родные степи. Это вызывало значительное раздражение российских и казацких военачальников, так как периодический «отвод» калмыцких войск существенно ослаблял действующую армию.

Характеризуя военную практику калмыков, необходимо отметить еще один важный фактор, который не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблематике, но без которого сложно понять причины того ужаса, который вызывали калмыки у своих противников. Этим фактором был военный террор, выражавшийся в поголовном истреблении вражеских воинов, в том числе и сдающихся в плен. Письменные материалы XVII в. фиксируют целую серию примеров, когда калмыки не только уничтожали своих непосредственных противников, но и «кололи» пленников, захваченных запорожскими и московскими воинами [1, с. 171, 172, 274, 281, 283]. Подобная жестокая практика, привнесенная ойратами из Центральной Азии, оказывала деморализующее воздействие на татарских, ногайских, турецких, украинских и польских воинов. Дошло до того, что азовцы боялись дать бой даже 50 калмыкам, подошедшим под стены их города, «…потому что калмыцкие люди, как емлют их в полон, и они де их рубят, а живых не держат» [16, с. 329, 330].

Подводя итог, необходимо отметить, что военные успехи калмыков над крымскими татарами и ногаями в период Русско-Польской войны 1654–1667 гг. базировались на более совершенном комплексе кавалерийского вооружения, более эффективной тактике конного боя и выверенной военной стратегии*. Найти адекватное противоядие массированной «копийной и куяшной» калмыцкой атаке крымские татары так и не смогли ни в годы Русско-Польской войны, ни в последовавшей за ней Русско-Турецкой войне 1673–1681 гг. Не имея возможности эффективно противостоять калмыцкой коннице, крымские военачальники стали избегать полевых сражений с ойратами. Чигиринский полковник Г. Карпов (Карпович) с воодушевлением отмечал в 1677 г. : «Калмыков татаровя и турки боятца… И естли…калмыков послать на Украину, и татаровя де бой их знают, и увидев их битца с ними не станут, побегут…» [6, с. 120]. Гетман И. Самойлович в письме от 6 марта 1678 г. особо

---

* Как показала боевая практика первой половины XVII в., наиболее действенным способом борьбы с ойратской конницей был ружейный огонь, производимый пехотой занимающей укрепленные позиции на горной или пересеченной местности. Однако степной театр боевых действий, так и не позволил крымским военачальникам эффективно применить против калмыков своих ружейных стрелков. Судя по составу трофеев военных кампаний 1661–1662 гг. жертвами калмыцких копейных атак стали не только татарские лучники, но и мушкетеры-«тюфенгчи» [5, 2014].

просил российское командование прислать калмыков, утверждая, что «…и то б их было буде не больши хотя бы с две тысячи человек, впрям бы…много ими исправилось неприятелем страху…» [2, с. 500]. Помятуя о «калмыцком факторе», царь Федор Алексеевич дал воеводе Рамодановскому в 1678 г. четкое указание не начинать активных действий против татар и турок под Чигириным до прихода калмыкого корпуса. В результате, 80-тысячная московская армия почти две недели простояла на р. Тясьмин, ожидая подхода 2-4-тысячного ойратского отряда [8, с. 178]. Представление о калмыках, как о весьма грозном противнике и ценном союзнике оказалось весьма устойчивым. Об этом свидетельствуют сообщения российских, украинских, польских, шведских, османских и прусских военачальников конца XVII–середины XVIII вв.

Что касается военно-тактических новинок принесенных калмыками в Восточную Европу, то их дальнейшая судьба сложилась по-разному. Нехватка железа на новых землях привела к тому, что пластинчато-нашивной доспех центральноазиатского образца постепенно вышел у калмыков из широкого военного обихода и был заменен на кольчатые панцири северокавказского и иранского производства. Что же касается кавалерийской пики и конного копейного боя, то они получили мощнейшее развитие в военном искусстве народов Восточной Европы. Идея массовой легкой копейной конницы была усвоена донскими, яицкими и запорожскими казаками, ногаями, крымскими и польско-литовскими татарами. Причем последние, адаптировав калмыцкий копейный бой к местным военным реалиям, положили начало новой разновидности европейской копейной кавалерии XVIII–XIX вв., получившей широкую известность под названием «уланы» [6, с. 115-123, 143].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою коммиссиею. – Т. 5. 1659–1665. – СПб., 1867. – 335 с.
2. Там же. – Т. 13. 1677–1678. – СПб., 1884. – 766 с.
3. Басхаев А. Н. Калмыки. Под ратным знаменем России. Калмыки на военной службе Российского государства во второй половине XVII–XX вв. – Элиста, 2010. – 256 с.
4. Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV– XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.I. – СПб., 2013. – С. 231–258.
5. Его же. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661– январь 1663 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства и их соседи в системе международных отношений (XV–XVIII вв.). – Казань, 2014 (в печати).
6. Его же. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII-первой половины XIV в. // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. – 2014. – №2 (35). – С. 115–147.
7. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV– первая половина XVIII вв.). – СПб., 2008. – 770 с.

8. Богданов А. П. Как был оставлен Чигирин: Мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673-1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. – М., 2005. – С. 174–192.
9. Венков А. В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. – М., 2013. – 368 с.
10. Гольденберг Л. А. Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. – М., 1976. – С. 228– 233.
11. Крижанич Ю. Политика. – М., 1965. – С. 587.
12. Контарини А. Путешествие Амвросия Контарини посла Светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России XV–XVI в. СПб., 1836. – С. 1-192.
13. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. – М., 1959. – 352 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. – М., 2000. – 796 с.
15. Новосельский А. А. Исследование по истории эпохи феодализма (научное наследие). – М., 1994. – 223 с.
16. Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. – Элиста, 2012. – 376 с.
17. Трепавлов В. В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. – М., 2013. – 224 с.
18. Шовунов К. П. очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). – Элиста, 1991. – 192 с.
19. Челеби Э. Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. – М., 1979. – 287 с.

Відомості про автора. *Бобров Леонід Олександрович*, доцент кафедри археології та етнографії Новосибірського державного університету (НДУ), старший науковий співробітник лабораторії гуманітарних досліджень науково-дослідної частини НДУ, доктор історичних наук, м. Новосибірськ, РФ.

Author's data. *Dr. Leonid Bobrov*, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Сведения об авторе. *Бобров Леонид Александрович*, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (НГУ), старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части НГУ, доктор исторических наук, г. Новосибирск, РФ.